

Валерий Тусев

БОЛОТНЫЙ КЛАД

Москва

2016

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г96

Разработка дизайна серии *Владимира Щербакова*

Оформление переплета *Юрия Щербакова*

Иллюстрация на переплете *Вячеслава Остапенко*

Гусев, Валерий Борисович.
Г96 Болотный клад : [повесть] / Валерий Гусев. — Москва : Эксмо, 2016. — 192 с. — (Черный котенок).

ISBN 978-5-699-87508-5

Чем можно заняться летом на даче? Например, поискать... танк. Настоящий танк, легендарный Т-34. Который утонул в болоте, некогда существовавшем в местном лесочке. Который вскоре после войны нашел деревенский мальчишка, ныне ставший почтенным дедушкой. В существование которого никто не верит, кроме этого старика. Братья Лешка и Димка Оболенские рьяно берутся за дело. Опрашивают старожилов, рисуют карты, призывают на помощь местных пацанов и девчонок и даже сооружают «танкоискатель». Но Т-34 мало найти — надо еще уберечь его от жадных рук тех, кто считает «танк Победы» просто грудой металлолома, которую можно выгодно продать...

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87508-5

© Гусев В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2016

Девятого мая мы посмотрели военный парад, потом военные фильмы, а вечером сели пить праздничный чай с мамиными пирогами и с тетей Зиной — это наша одинокая соседка с попугаем Гошей. А потом, после праздничного салюта, папа достал наш семейный альбом и мы все вместе уселись на тахту смотреть наши семейные фотографии.

Это очень приятное занятие. Особенно его наш Алешка любит. Кроме, конечно, той фотки, где он голенький лежит на пузе и тарашит в объектив свои большие любопытные гляделки. И хохолок на макушке дыбом.

«Воробышка после драки на помойке», — обычно говорит про этот снимок соседка тетя Зина. А мама в хорошую минуту называет его хохолок на макушке знаком препинания. Это мама правильно заметила. Лешкин хохолок в зависимости от ситуации или настроения — то вопросительный, то восклицательный знак. Хотя, как я давно уже понял, Алешкин характер — это в основном многоточие. Ну, вы скоро это поймете.

Сам Лешка эту свою фотографию в голом виде и с хохолком на макушке немного презирует. «Какой-то я тут слишком мелкий», — скептически роняет он и переворачивает страницу.

А самый любимый его снимок — 1 сентября первого класса. Он на ней такой торжественный и взволнованный. Наверное, потому что еще не знает, что его ждет в ближайшие десять лет.

А фотография в самом деле классная. Мама специально съездила к этому дню на дачу и привезла громадный букет. И мы сфоткали Алешку с ним у подъезда: букет в два обхвата, под ним две кроссовки, над ним хохолок — вот и весь Алешка. Зато торжественный и взволнованный.

Ленка Стрельникова, когда в прошлом году влюбилась в Алешку, то выпросила эту фотку. Наша мама очень удивилась, а Ленка объяснила:

— Лешка тут такой разноцветный. Очень на себя похож.

Мама на нее внимательно посмотрела и сказала:

— Ты очень умная, Леночка.

— Я знаю, — скромно согласилась Ленка.

...На первой странице нашего семейного альбома — небольшой портрет лихого гусара с усами и саблей. Это один из наших предков, говорит папа, — корнет Сергей Оболенский. Но это не тот Оболенский, который в песне седлал коня и подавал бокалы, а тот, который воевал вместе с поэтом Денисом Давыдовым против французов в 1812 году. Потом он стал декабристом и пропал где-то в Сибири. А когда снова появился, то женился на княжне Щербатовой.

Но пока речь не об этом. Сегодня, 9 Мая, папа

сразу же открыл страницу с фотографиями военных лет. Их у нас очень мало, и они все старенькие. Некоторые совсем выцвели, другие пожелтели, а одна даже была порвана. На них все наши старшие родственники, ушедшие на войну.

Самый дорогой для нас снимок — красивый танк с длинной пушкой, на грозной башне нарисовано много звездочек. Папа нам объяснил, что это количество подбитых экипажем немецких танков и самоходных орудий. А сам экипаж — молодые ребята, чуть постарше меня — сидит на броне. В черных ребристых шлемах, с трофейными автоматами, с пистолетами на боку — весело едят арбуз. А на башне сидит и тоже весело смеется молодой офицер с орденами на груди, без шлема, и вольный ветер развеивает его белокурые волосы хохолком. Это папин дедушка, наш с Алешкой прадед, тоже Сергей.

— Крутой! — восхитился Алешка.

— Настоящий полковник, — подхватила тетя Зина.

— Старший лейтенант, — с улыбкой уточнил папа. — Полковником он стал в конце войны.

— Полковник — это не только звание, — уверенно заявила тетя Зина. — Это еще и характер.

— Пожалуй, ты права, — согласился папа и почему-то взглянул на Алешку. И на маму.

— Буду танкистом! — тут же решил Алешка.

Он у нас уже кем только не был — и сыщиком, и машинистом, и кладоискателем... Впрочем, танкистом он уже один раз побывал. И довольно успешно.

Мамин брат, дядя Боря, забрал Алешку на все лето в свою часть — в танковый полк. Ну Алешка

Болотный клад

там и порезвился! С одним механиком восстановил небольшой танк музейного возраста и вооружил его самодельной пушкой. Поучаствовал в маневрах и выиграл сражение. А главное — разоблачил и обезвредил группу оборотов, которые собирались совершить хищение оружия со склада части. Так что танкистский опыт у него есть.

Алешка еще раз взглянул на фотографию старшего лейтенанта Сергея Оболенского и решительно повторил:

— Буду танкистом!

Наверное, нашего папу назвали Сергеем в честь его деда, советского воина-танкиста. А что — правильно. Наш папа тоже воюет. Со всяким злом — с жуликами и бандитами. Он тоже настоящий полковник. И как на самой настоящей войне, у него есть ранения и ордена, враги и боевые товарищи...

А то, что Лешка загадал, сбылось очень скоро — этим летом. Только воевать нам пришлось в этот раз не с оборотами, а с самыми настоящими бандитами — алчными, жестокими и опасными...

ГЛАВА I

ТАНЬКИ ГРЯЗИ НЕ БОЯТСЯ!

На дачу мы поехали весело, всей командой: мы с Алешкой и с велосипедами, мама с любимой косилкой и папа с дядей Борей. Сплошные полковники. Один я среди них рядовой.

Папа взял отпуск, дядя Боря — увольнительные, и они собирались достроить наш недостроенный дом и рассчитывали, что мы с Алешкой будем им помогать. Ну там: принесите водички, подайте гвозди, не вертитесь под ногами. А получилось наоборот — мы их припахали. Впрочем, в самые критические моменты мы обходились без них. А они без нас. Но об этом впереди...

На даче все оказалось на месте — и дальний лес, и ближняя березовая роща, и широкое разноцветное поле, и синее озеро, и золотые караси в нем. И солнце в небе, и наш любимый фургон на участке, под березами.

Алешка первым делом проверил наш общий скворечник. Прошлым летом его заселило мышинное семейство. И наша соседка — воровка-ворона Клара — часами сидела в засаде, надеясь схватить

зазевавшегося мышонка. Маму такое соседство не очень радовало. Особенно когда кто-нибудь из веселого семейства падал с березовой ветки к ней в гамак.

Алешка в конце концов переселил это стадо. Подозреваю, что на чердак нашего фургона. И нынче скворечник заняли его законные владельцы. Они все время порхали туда-сюда, трещали и таскали в свой домик всякий мусор — веточки, травинки, перышки. Для уюта, сказал Алешка.

Вообще-то мы с Алешкой рассчитывали в первый же день на велосипедах «оборзеть», как он говорит, окрестности, но мама — наш главный полковник — распорядилась иначе:

— Мы идем на строительство, а вы наведете порядок в фургоне. Подмести, вытереть пыль, вымыть окна, поставить самовар. Ясно? Вопросы есть? Приступайте!

Я вздохнул, Алешка молча возмущился своим восклицательным знаком на макушке, но делать нечего.

— Ладно, Дим, — смирился наш младший полковник. — Поделим дела пополам. По-честному. Так и быть: ты сделаешь всю эту ерунду... Ну там вода из колодца, полы с пылью, окна помоешь и вообще, а я — самое трудное: самовар поставлю.

Добрый такой, весь из себя. Самовар — это конечно, самое трудное. Напихать в трубу щепок и шишек, разжечь и сидеть ждать, когда он запытит...

В общем, когда вернулись со стройки старшие полковники, мама от души нас похвалила:

— Молодцы!

А Лешка «по-честному» признал:

— Дима мне тоже иногда помогал. Да, Дим?

— Да, Леш!

Мама быстренько накрыла на стол, и мы сели пить чай с беляшами и бутербродами. И тут мама сказала:

— Вот что, ребята. В доме у нас почти готовы две вполне приличные комнаты. Мы будем жить там, а фургон поступает в ваше распоряжение. Но чтобы чистота и порядок.

— Понял, Дим? — спросил Алешка.

— Понял, Леш! — Лучше бы я в нашей школе на второй год остался.

После чая мы «переселили» в новый дом тахту, столик, газовую плитку и всякие сковородки с кастрюльками. Принесли из машины раскладушки и дяди-Борины армейские походные стульчики.

Наши старшие полковники в этом деле не участвовали. Они только перетащили из фургона в дом холодильник, сказали, что очень устали и им надо срочно отдохнуть на солнышке. Устроились почему-то в тени берез и о чем-то вполголоса разговаривали. Холодильник, впрочем, могли бы и не переносить — в доме все равно еще не было электричества.

Но там уже было хорошо, чистенько так. Здорово пахло свежими стружками и опилками. Правда, стекол в окнах еще не было, но мама прикрепила вместо них пленку и повесила занавески в горошек. И стало еще уютнее.

Алешка мрачно глянул на раскладушки и спросил маму:

— А твои дети что, на голом полу будут спать?

— Почему? — удивилась мама. — Я накошу вам травы. — Мама очень любит косить траву. Мы с папой даже подарили ей на день рождения электрическую косилку. — Я накошу вам травы, вы ее высушите, и получится прекрасное сено. Я сама очень люблю спать на сене, только оно очень колется.

— А до сена? — спросил Алешка. — Все бока отлежим.

— Но у вас же есть наверху надувные матрасы! — вспомнила мама.

— А сено тогда зачем? — тупо спросил я.

— Питаться будем, — буркнул Алешка. — После отбоя. — И строго добавил: — Но мы не козлы.

— Вы козлята, — сказала мама. — Идите устраивайте свое гнездышко.

— Вообще-то козлята в гнездышках не спят, — возразил Алешка. — Они высоты боятся.

Гнездышко... Это гнездышко нам несколько лет верно прослужило. Мы высоты не боимся. И никакое это не гнездышко. Это такой строительный вагончик, только без колес. Чтобы мы с Алешкой куда-нибудь его не укатали. Например, поближе к озеру.

У этого вагончика-фургончика было что-то вроде чердачка, где и обитали мы с Алешкой. Папа и мама, столовая и кухня — внизу, а мы — на своем уютном наблюдательном пункте. В маленькое окошко были хорошо видны все окрестности. И весь наш дачный поселок, и деревня Пеньки на пригорке. Особенно хорошо — в знаменитый папин бинокль, который подарили ему «германские немцы», как говорит Алешка, — папины коллеги

по Интерполу. Интерпол — это такая мощная полицейская организация по борьбе со всякой международной преступностью.

Мама называет наш чердак красивым словом «антресоль». И правильно делает. А то кто-нибудь спросит: «А где же ваши дети спят?» — не отвечать же «На чердаке»!

У нас там надувные матрасы, тумбочки для личных вещей (мама говорит «для лишних», потому что в Алешкиной тумбочке чего только нет, как на хорошей свалке), подсвечник со свечкой, а за окошком — потайная садовая лестница, по которой очень удобно улизнуть из дома прямо в заросли крапивы. Одно только неудобство — очень шумно, когда по крыше молотит дождь...

Пока я стаскивал с «антресоли» матрасы и остальную мебель, Алешка принес одеяла и подушки, постельное белье и шоколадку с пакетом сока. Мы уложили матрасы у стеночки, где раньше стояла тахта, надули их, застелили и повалились на них, задрав ноги. Сильно устали.

— Надо поесть, — сказал Алешка, — а то отощаем в первый же день. Мама расстроится.

Уж ему-то куда тощать...

— Здорово, Дим, да? — Алешка дожевал шоколад и допил сок. — Мы теперь с тобой сами себе хозяева. Когда захотим — уйдем, когда не захотим — не придем, что хотим, то и делаем, чего не хотим, того и не делаем, да? И в крапиву с лестницы плюхаться не надо.

— Ага, — согласился я. — Ты только свою тумбочку прошарь как следует. А то у тебя там барахла накопилось, я ее еле вниз стащил.

— Барахла не держим, — важно сказал Алешка. — Там все нужное. И не вздумай ее открыть.

— Это почему?

— А вдруг там зимой мышка поселилась? Испугается тебя. — Это еще вопрос, кто кого испугается. — Ты лучше за порядком следи, чем в чужие тумбочки заглядывать.

— А ты будешь мышек в тумбочках разводить?

Тут пришла мама и прервала наш спор:

— Ребята, я хотела вас подкрепить шоколадками и соком, но так их и не нашла. Пришлось сходить в магазин. Держите.

И мы получили еще и вкусные булочки и кувшин с молоком. Когда мы на даче, мама в магазине молоко в пакетах не берет, а покупает настоящее у магазина, где торгуют пеньковские бабульки.

— Перекусите, — сказала мама. — А я пойду обед готовить. А то наши полковники уже мангал разжигают. Шашлыки скоро будут.

— Йес! — сказал Алешка и азартно цапнул булочку.

Что ж, не тощать, так не тощать.

Не успели мы как следует утрясти булочки в своих животах, как со стороны нового дома потянуло ароматным дымком.

— Так мы с тобой растолстеем, — тяжело вздохнул Алешка. — В первый же день.

— Эй! — послышался веселый папин голос. — Соседи! Пожалуйста откушать!

...Перед домом в мангале рдели жаркие угли, а из распахнутых окон пахло шашлыками. Стол уже был накрыт: посреди него — супница с крышкой

и большая тарелка с редиской. Красная с белым хвостиком — сорт такой, самый любимый. Алешка при виде ее аж зубами лязгнул — обожает редиску. И расправляется с ней так: режет пополам, кладет на каждую половинку по кусочку масла, солит и хрустит так, что ближайшие воробьи падают в обморок. От зависти, наверное.

Мама подняла крышку супницы — мы все аж застонали. Но только разложили шашлык по тарелкам, только взяли по редиске — стукнула калитка.

— Дядя Юра пришел, — сказал Алешка — и не ошибся. — Он запах шашлыка за сто километров чувствует.

Дядя Юра — местный тракторист из деревни Пеньки. Хороший добрый человек, всем в округе — и дачникам, и сельчанам — помогает вспахать огороды и нарезать грядки под картошку своим стареньким трактором. И очень часто — бесплатно. Но шашлыки за сто километров чувствует. Это у него любовь такая. Однажды какой-то дачник вместо денег за работу угостил его шашлыком, и Юра «запал» на него навсегда. Шашлык для него — все равно что мед для Винни-Пуха.

— Здравствуйте, люди добрые, — сказал дядя Юра, снимая свою засаленную кепку. — С приездом вас. Хлеб да соль.

— Садись с нами, Юра, — пригласила мама, придвигая ему табуретку.

— Да уж и не знаю... — заделикатничал дядя Юра. — Вроде как бы один раз уже нынче пообедал. Да разве вот редисочки попробовать. Своя-то еще не поспела.